

Интервью с Григорием Артуровичем КЛЮЧАРЕВЫМ

«МОЙ ПУТЬ В СОЦИОЛОГИЮ ОКАЗАЛСЯ ДОЛОГ И ТЕРНИСТ»

Ключарев Г. А. — окончил физический факультет Московского государственного педагогического института (МГПИ им. В. И. Ленина, 1979), доктор философских наук (1994), профессор по кафедре философии (1995) Национального исследовательского университета «Московский энергетический институт», visiting professor, Институт образования, Ноттингемский университет (Великобритания); руководитель Центра социологии образования, науки и культуры, Институт социологии РАН, член Правления Общества «ЗНАНИЕ» России.

Основные области исследования: социология образования и науки, непрерывное и дополнительное образование, образовательные системы, инвестиции в образование, наукоемкие технологии, технонаука. Интервью состоялось: июнь — октябрь 2014 г.

Григорий Артурович Ключарев представляет младшую страту 4-го поколения советских / российских социологов, это — первая послевоенная когорта. К настоящему времени, конец октября 2014 года, мною было проведено 17 интервью с членами этой профессионально-возрастной общности. Если иметь в виду базовое образование, то среди них есть философы и историки, филологи и психологи, специалисты с юридической и медицинской подготовкой. Ключарев — единственный дипломированный физик.

С одной стороны, это удивительно, ведь в предыдущем, 3-ем социологическом поколении число математиков, физиков, инженеров было весьма заметным. Так, из 23 моих собеседников 9 человек пришли в социологию, имея солидную математическую подготовку. С другой стороны, такое уникальное положение Ключарева в своем социологическом поколении вполне объяснимо; математики из предыдущего «призыва» в целом выполнили возлагавшиеся на них функции. Ими была налажена, отлажена система обработки социологических наблюдений и внедрены в практику научные приемы комплектования выборок. Математики, физики оставались востребованными, но уже как логики, концептуалисты.

Можно согласиться с Ключаревым, назвавшим свой путь в социологию долгим и тернистым. «Долгий» — это ясно, продолжительный, Ключарев окончил институт в конце 1979 году, а начал заниматься социологическими исследованиями лишь на рубеже прошлого и нынешнего веков. Тернистость пути, по мнению Ключарева, заключается в характере его конфигурации: сначала (1985 г.) была защищена кандидатская диссертация по физико-философским аспектам проблемы симметрии, затем (1994 г.) — докторская работа по логико-социальной теме — эволюции языка человековедения. Но на мой взгляд, это не тернистость как сложность, опасность, а тернистость как процесс созревания социального мышления. Переход от «чистых» философских изысканий к исследованиям в области социологии образования можно рассматривать как «прямое» продолжение работы Ключарева на ответственных постах во Всесоюзном обществе «Знание». В СССР эта организация по сути была инструментом развития непрерывного и самостоятельного образования. Именно этот круг вопросов и разрабатывает в последние годы Григорий Ключарев.

Ключарев Г. А.: «Мой путь в социологию оказался долг и тернист»

Григорий, в принципе Ваш путь в социологию, хотя он начинался из физики, не единичный... многие из действующих и, к сожалению, уже ушедших из жизни социологов имеют (имели) университетское математическое, физическое, кибернетическое образование. Вместе с тем, траектория жизни каждого человека уникальна...

Вы правы. Мой путь в социологию оказался долг и тернист. По основному профессиональному образованию я учитель физики на английском языке. Нас готовили в МГПИ им. Ленина для работы в африканских странах, к которым в СССР был интерес. Но к моменту окончания вуза интерес к этим странам значительно ослаб и мы были предоставлены сами себе.

Мне удалось поступить там же в философскую аспирантуру по специализации «Философские вопросы физики» исключительно благодаря В. С. Готту, 100летие которого мы недавно отметили. Это был очень мудрый и доброжелательный человек. Он и сумел сделать так, чтобы меня без философского образования взяли в философскую аспирантуру. Правда, я самостоятельно читал многих философов, чтобы восполнить пробелы в моих знаниях. После защиты диссертации «Методологическая роль симметрии и асимметрии в построении научных теорий» несколько лет работал в Правлении Всесоюзного общества «Знание». За эти годы удалось лично познакомиться с такими блестящими учеными как А. А. Гусейнов, В. Н. Шевченко, В. И. Жог, К. Х. Делокаров, Р. Г. бдулатипов, Р. Г. Яновский, А. Н. Чумаков, Р. Г. Косолапов, С. С. Саидкасимов и многими-многими другими. Думаю, именно общение с ними позволило мне приблизиться к профессиональной научной деятельности, к пониманию того, что может наука в современной жизни.

А дальше все было просто. С распадом страны всесоюзные организации распускались (Общество «Знание» России благополучно действует и сейчас) и проблему моего трудоустройства решили А. Л. Андреев и М. К. Горшков. Сначала я работал в Российском независимом институте социальных и национальных проблем (об этом негосударственном НИИ стоит как-то рассказать особо), где я опять-таки, неформально, на рабочем месте постигал азы социологии у таких мэтров как М. П. Мчедлов, А. Г. Здравомыслов, Н. Е. Тихонова, В. В. Петухов, Ф. Э. Шереги. А затем мы все вместе, были приняты в реорганизованный Институт социологии РАН. Поэтому хотел бы еще раз отметить, что возможность общения с элитой российской и советской социологической и философской науки очень крупная удача в моей жизни.

Спасибо, отлично, будем рассматривать этот текст в качестве основы нашей беседы. Главное в моем историко-биографическом проекте это сам исследователь, но пока в этом тексте нет вас самого. Что я имею в виду? К примеру, да В. С. Готт (я знал его работы, так как увлекался философией и историей физики) Вам помог. Но главное – выбор этого пути был сделан Вами. Вот нам и надо это показать...

Отгалкиваясь от сказанного Вами, задам два вопроса:

...Вернемся ко времени, когда Вы начали задумываться о выборе профессии. Вы думали исключительно о физике или были варианты: поступать, скажем, на исторический факультет, философский? Почему выбор был сделан в сторону физики?

Выбор в пользу физики был сделан достаточно случайно. Среди прочих равных причин оказалось то, что на физфаке преподавала хорошая знакомая нашей семьи. Особой поддержки при поступлении она не обещала, но дополнительной уверенности это все-таки придавало. К тому же на протяжении всего десятого класса я брал частным образом уроки у В. А. Балаша, который известен своими задачками по физике для мехмата, физтеха и других ведущих вузов. Он научил меня решать задачи, о которые обычно «спотыкается» большинство старшеклассников. Просто у него была своя методика. В 1990-е годы это мне пригодилось, я успешно «вытащил» на хорошие оценки несколько отстающих по физике детей знакомых нашей семьи.

А потом не будем забывать, что физика – это не профессия. Это образ мировоззрения. А профессия была учитель, педагог. Она мне очень нравится и сейчас, не могу оставить преподавание помимо основной работы в Институте социологии. От молодежи идет много позитива, который в более старших возрастных группах постепенно сходит почти на нет.

Вы заканчивали школу в Москве или приехали в этот город для обучения в институте? Почему предпочтение было отдано МГПИ? У Вас в школе был сильный преподаватель физики, он Вам рекомендовал?

Школу заканчивал в Москве. Вернее учился последние два выпускных года. Это была очень хорошая элитная школа №74 на Мосфильмовской улице. Примерно половина учеников были дети известных и малоизвестных актеров, операторов, директоров картин с киностудии «Мосфильм». У нас был очень дружный класс, который регулярно собирается. Вот две недели назад отмечали 40-летие нашего выпуска. Из 32 человек пришли на встречу 23. Неплохой показатель, как считаете? Среди выпускников – хорошие врачи, олигархи, ученые, профессиональные спортсмены, топ-менеджеры. Такое неформальное общение дорогого стоит.

А до этого мне приходилось учиться в самых разных школах – кроме московских, еще удалось познакомиться со школами в Калуге, Абхазии, в Крыму. О всех остались хорошие воспоминания.

Вы спрашиваете, каким я считаю сбор Вашего класса по случаю 40-летия окончания школы? Считаю очень хорошим. И поделюсь моей историей; я окончил школу в 1959 году, т. е. 55 лет назад. Ясное дело, живя в Америке, я не могу регулярно встречаться с моими одноклассниками, но они это делают. Я звоню им в такие дни, и по очереди говорю со многими. Более того, жива наша классная учительница, она бывает на этих встречах, а 8 марта или в День учителя я стараюсь ей звонить. Мы оба радуемся этой возможности.

Я-то конечно полагаю, что учитель – это тип мировоззрения, а физика – профессия. Мне кажется, что долг каждого исследователя – бывают случаи, когда человек не может преподавать – передавать свои знания и опыт. Какие курсы Вы ведете сейчас? В каких университетах? Работаете ли Вы над учебниками?

Последние лет пятнадцать преподаю в Московском энергетическом институте. Сейчас он стал Национальным исследовательским университетом, вошел в тридцатку лучших вузов страны, а в своей группе среди технических университетов на 4 или 5 месте. Там очень комфортно преподавать, с «технарями» мне легко находить общий язык, они не искушены гуманитарным знанием и им очень приятно «приоткрывать» очевидные для нас вещи из философии, социологии, истории. Причем интереснее всего работать с магистрами и аспирантами. Это уже почти сложившиеся люди, с устойчивой мотивацией к учебе, к получению знаний, которые им пригодятся уже сегодня — завтра. На младших курсах, а тем более в средней школе такого нет. Читаю в основном курс кандидатского минимума «Философия и история науки и техники» — это стандартная обязательная дисциплина. Еще читаю лекции для иностранных студентов по общей философии и социологии на английском языке. Но это менее интересное, хотя и более высоко оплачиваемое занятие. Иностранная аудитория очень разношерстная, кого-то направило учиться государство, а кто-то заплатил за учебу из кармана своих родителей. Соответственно и отношение различное.

А до этого, преподавал в Ленинском пединституте (МГПИ им. Ленина), который заканчивал. Кстати, недавно общался там с коллегами (иногда оппонирую там на защитах диссертаций), разговорились о том, как долго должна продолжаться педагогическая практика. До недавнего времени это был семестр. А теперь, говорят, будет продолжительностью до года. Это очень хорошо. Кто не сможет так долго «продержаться» в реальной школьной жизни, может уходить из учительской и преподавательской профессии.

А над учебниками не работаю. Не удается совмещать научную деятельность и методическую, поскольку в учебник «идет» все устоявшееся, апробированное, то что было известно исследователям пять-десять, а то и больше лет назад. И поэтому не хочется уходить с «переднего края», возвращаться в прошлое. Как мудро говорит мой коллега Владимир Петухов, «если я буду перечитывать написанное мной ранее, то ничего нового написать не смогу».

Получается, что Вы закончили школу в 1974 году, так? И сразу поступили в институт? Что вспоминается из студенческих лет? Какие области физики Вас наиболее привлекали? Наверное, Вам читали и историю физики?

Как Вы подошли к проблеме симметрии? Я тоже интересовался ею, шел от теории групп и нарушений симметрии в микромире. Но потом читал все подряд, вплоть до симметрии снежинок и симметрии в искусстве. Но это было задолго до того, как Вы закончили школу...

Да, симметрия снежинок — очень красивая. И на симметрии в искусстве очень много построено. И есть даже мнение, что и жизнь человеческая должна быть симметрична, в том смысле, что старость и детство похожи друг на друга. А самое интересное происходит, когда нарушается симметрия. Это означает развитие, движение.

Но до увлечения симметрией было окончание школы в 1974 и поступление в МГПИ им.Ленина. Физические дисциплины нам читались самые разные, вплоть до методики преподавания физики. Но, действительно, одна из самых интересных — это история физики. Любое открытие, любой технический аппарат имеет свою историю происхождения и не появляется из ничего. А еще физика

дает удивительное понимание того, как все связано в нашем мире, в нашей Вселенной. Даже в повседневной жизни очень много имеет непосредственное отношение к миру неживой природы, в том числе к космосу. Русский космизм — Вернадский, Циолковский, Чижевский, Федоров, Николай Рерих — все собственнo об этом.

Вы спросили о том, что запомнилось со студенческих лет. Разумеется, не только учеба. Запомнились выезды на картошку, участие в стройотрядах, комсомольская работа, путешествия, демонстрации, дискотеки. Все как и у всех моего поколения.

Что в истории физики Вас интересовало? Скажем, развитие тех или иных физических идей или механизмы творчества? История физики — это раздел истории науки, интересовала ли Вас общая методология истории науки?

Вопрос, как говорится, «в десятку». В СССР изучению проблем научного творчества уделялось определенное внимание. Творчество понималось как отход от некоторого заданного алгоритма. С этим приходилось мириться с точки зрения интересов государства. Довольно далеко в изучении творчества продвинулись психологи. Но меня, все-таки, больше интересует история идей, открытий. Почему, например русский паровоз Черепановых не пошел в серийное производство? А паровоз Стефенсона получил широчайшее распространение. Есть мнение, которое я не совсем разделяю, что у нас сама среда не располагает практическому использованию открытий и блестящих инженерных решений. Скорее всего здесь дело в чем-то ином.

Ну, а общая методология истории науки — это опять-таки, совершенно самостоятельная область знания. И на физическом факультете о ней не говорили. Хотя проводился методологический семинар и доклады были очень интересные. Я и по сей день солидарен с Г.Гадамером, что метод, которым получено научное знание, и язык, которым это знание изложено, имеют огромное значение. Факт — это еще не все. Важнее — его интерпретация в определенном контексте.

И все же повторю мой вопрос, как бы Вы объяснили сейчас Ваш интерес к проблеме симметрии-ассиметрии?

Вначале интерес имел чисто прагматическое происхождение. Это была проблематика, по которой у моего научного руководителя В. С. Готта была масса работ. И даже при неблагоприятной конъюнктуре диссертация по такой тематике имела хорошие шансы на защиту. Но когда я стал уже собирать материал, увидел, что это удивительно эвристическая дихотомическая пара понятий. Она очень многое объясняла в самых разных областях знаний. Другое дело, что выходить с этим инструментарием за рамки физики и биологии настойчиво не рекомендовалось. А сейчас эти понятия блестяще работают, например, и в политологии («симметричный ответ») и в гендерной эволюционистике (асимметричные признаки наследуют мужчины, а симметричные — женщины) и в некоторых других областях.

Ответ на предыдущий вопрос очень интересен. Несколько лет назад я писал книгу о становлении американской рекламы, которая, ясно — функция развития производства, торговли и прессы. Занимался и общими вопросами. Еще в середине XIX века США была малонаселенной, социальные связи — слабыми,

жизнь — медленной, передвижение по редким дорогам — опасным. Однако, по замечаниям историков, ни одна страна мира за такой короткий промежуток не дала столь значительных изобретений и не сделала столько открытий, сколько Штаты в период между 1830-м и 1860 годом. Телеграф, атлантический кабель, соединивший телеграфом Европу и Америку, швейная машинка, цилиндрический пресс, усовершенствовавший процесс печати газет, обогащение угля и добыча антрацита, обнаружение золота в Калифорнии, серебра — в Скалистых горах, нефти — в Пенсильвании... В чем же дело, если не в самой среде?

Возможно повторюсь, но это точка зрения Лоренса Грэхэма, которую он изложил в своей уже ставшей известной здесь книге «Сможет ли Россия конкурировать?» (2014). И дело даже не в открытиях, а в том, как они воплощаются в жизнь, как технологии становятся конкурентоспособным товаром. Открытий было немало сделано и в России, но почему-то большинство из них продолжили жить в условиях рыночной экономики на Западе. Грэхэм считает что дело в социальной среде — насколько она готова принимать инновации. Ведь паровой двигатель, к примеру, был когда-то инновацией. Россия же много веков идет по пути патерналистского развития, пути, который мы называем традиционным. Все реформы санкционируются свыше. И, возможно, с точки зрения рыночной экономики это не самый эффективный путь, но с точки зрения преемственности, стабильности — это достаточно надежно. Если государство обеспечивает концентрацию ресурсов в определенном месте и в определенное время обязательно происходит скачок вперед.

Григорий, где поставить «то»?

Если государство обеспечивает концентрацию ресурсов, *ТО* в определенном месте и в определенное время обязательно происходит скачок вперед.

Или

Если государство обеспечивает концентрацию ресурсов в определенном месте и в определенное время, *ТО* обязательно происходит скачок вперед.

Отвечая на тот же вопрос, вы написали: «метод, которым получено научное знание, и язык, которым это знание изложено, имеют огромное значение». Это утверждение, с которым я абсолютно согласен, напомнило Ваше замечание из нашей короткой переписки о творчестве советского историка науки, физики Б. Г. Кузнецова. Вы отметили о его книге «Эйнштейн»: «Очень интересные мысли, и манера изложения. По-сути неклассическая». Как понимать «неклассическая»?

Да, книги Б. Г. Кузнецова и, особенно, его «Эйнштейн» мне показались асимметричными, если этот термин здесь будет к месту. Они демонстрировали новую манеру изложения предмета, новую для нас модель исторической реконструкции. Ее потом В. С. Степин (возможно и не он первый) назвал неклассической. Суть ее в следующем. Объект исследования рассматривается в контексте его внешних связей. Причем особое значение имеет позиция наблюдателя (историка), инструменты, которыми он пользуется. Скажем, творчество Эйнштейна нельзя понимать вне его отношения к нацистской Германии. А в обычный (классический) учебник по физике это обстоятельство не включается. И, вообще, неклассическая методология пошла после Гейзенберга, его соотношения нео-

пределенностей и успеха квантовой физики. Мышление физиков относительно быстро восприняло этот подход, а вот некоторые гуманитарии, социальные философы и социологи до сих пор не прошли этого пути.

Поясню это примером. В квантовой физике положение электрона или какой-то иной частицы не может быть точно указано. Возможно указать только диапазон значений (координат), внутри которых находится, а точнее говоря, постоянно движется частица. И эта неопределенность всех устраивает, поскольку саму частицу никто «ловить» не собирается, а лишь наблюдают за ее поведением, взаимодействием с другими частицами. В социуме, также все очень динамично. Указать какие-то конкретные и стационарные характеристики, особенно отдельного индивида или группы, конечно, можно. Но степень неопределенности и, следовательно, недостоверности будет достаточно высока. Поэтому и прогноз развития событий или дальнейшего поведения будет вероятностным. А для того, чтобы понизить степень вероятности и сделать прогноз более достоверным приходится включать те внешние связи, которые имеют непосредственное влияние на рассматриваемого субъекта или субъектов. А это уже и экономические факторы, и политические, демографические, физиологические и т. д. И если методы разных наук применить вместе, то картина получается более или менее правдоподобной. А пока мы лишь наблюдаем дисциплинарное размежевание, как в социальных исследованиях, так и в преподавании.

Это верно, «творчество Эйнштейна нельзя понимать вне его отношения к нацистской Германии». Но это уже «поздний» Эйнштейн, что касается теории относительности, то она была предложена задолго до прихода к власти Гитлера. Для нас важнее понять философские и натуралистические предпосылки творчества «раннего» Эйнштейна; а здесь – Аристотель, Галилей, Мах и, согласно одному из писем Эйнштейна, – Достоевский и Моцарт.

Совершенно с Вами согласен. Любая творческая фигура такой величины как Эйнштейн в разные периоды жизни «впитывает» в себя разные социо-культурные контексты и преобразует их в своем творчестве. Возьмите, например, раннего Ницше и позднего, Витгенштейна и многих-многих других. Часто появляются совершенно неожиданные развороты, которые мало согласуются с прошлым творчеством. А иногда происходит просто угасание или выключенность из контекста. Как это произошло с Солженицыным.

Что касается неклассичности стиля Б. Г. Кузнецова, то я (обидно, что я не говорил с ним на эту тему) помимо влияния на него идей Гейзенберга, прежде всего анализировал бы воздействие на него русской классической литературы, в частности, – Достоевского и позже Бахтина.

На это замечание, вряд ли отвечу. Для меня Б. Г. Кузнецов очень интересный философ, биограф, историк. Но реконструировать его творчество не берусь.

Давайте вернемся к Вашей жизни. Когда Вы представили к защите кандидатскую диссертацию «Методологическая роль симметрии и асимметрии в построении научных теорий» и что удалось доказать?

Суть работы заключалась в том, что симметрию и асимметрию, как инструменты познания мира и общества, следует рассматривать как диалектическую, дихотомическую (двойственную) пару. Нет абсолютных симметрий или асим-

метрий, а есть динамический процесс перехода то в одну, то в другую сторону. По направленности этих процессов можно делать прогноз. Вспомним, к примеру Гиппократ — «самые опасные болезни те, которые искажают лица». Это асимметрия взяла верх над симметрией. Нарушения симметрии означают начало какого-то процесса. А стремление к симметрии — это путь к стабильности, классической красоте.

Или Демокрит, его *clīnamen*. Атомы, из которых состоит мир, летят в пустоте, параллельно друг другу. Симметрия полнейшая. Но вдруг один из атомов спонтанно отклоняется от первоначальной траектории и сталкивается с соседом. Симметрия нарушена. Асимметричный поступок этого «выскачки» породил начало каким-то взаимодействиям других атомов между собой. Кто-то соединился с соседом, кто-то отскочил и перешел на чужую траекторию. Асимметрия возрастает и появляется какое-то новое состояние, которого не было прежде.

И хотя моя работа была по философии, а это означает пребывание в сфере «чистого разума», кое-какие примеры, в основном из физики и биологии, приводились. А сейчас, когда стал заниматься социологией и изучать эмпирический материал, примеры взаимодействия симметрии и асимметрии видны повсюду. Особенно в области социальных процессов и становления институтов. Прямотаки просится кандидатская социологическая работа по этой проблематике. Это будет очень актуально и интересно. С удовольствием стал бы научным руководителем, если найдется подходящий соискатель или аспирант.

Как я понимаю, после защиты диссертации Вы начали работать в Правлении Всесоюзного общества «Знание». В каком году как это произошло? Вы что активно занимались лекционной работой? Или Вас кто-то порекомендовал? Что Вас привлекло в этой работе?

С Обществом «Знание» для меня отношения сложились судьбоносно. Конечно, я читал лекции еще в аспирантское время и когда затем работал преподавателем. Это была возможность дополнительного заработка, а главное, возможность путешествовать. Правда, далеко меня не посылали, но соседние с Москвой области удалось посетить. И особенно интересны люди. Лекции читались часто во время обеденного перерыва — не самое лучшее время, поэтому ответственные иногда предлагали отметить путевку без чтения лекции. Однако, я старался, хоть минут 20 в конце обеда что-то интересное рассказать. А потом, завязывались беседы, кое-кто даже провожал на электричку или на автостанцию, чтобы пообщаться побольше.

А когда перешел в аппарат Правления Всесоюзного общества «ЗНАНИЕ» референтом, это было в 1985 году, перспективы открылись захватывающие. Во-первых, возможность непосредственного общения с ведущими учеными и даже, нобелевским лауреатом — академиком Н. Г. Басовым. Несколько президентов АН СССР были последовательно Председателями Правления, и мы готовили для них документы. А самые известные в стране ученые — гуманитарии, редактора ведущих журналов, члены Президиума Высшей аттестационной комиссии — почти все они состояли в секции общественных наук и регулярно к нам заходили.

Во-вторых, с переходом на работу в Правление появилась возможность выезжать в дальние командировки по стране. Конечно, этим было грех не воспользоваться. Байкал, Сахалин, Сибирь, Узбекистан, Казахстан (включая самостоятельный выход на дно высохшего Аральского моря) – вряд ли я смог бы выбраться в эти места самостоятельно.

И наконец, это был опыт работы в идеологическом отделе ЦК КПСС, потому что его «продолжением» в то время общество «Знание» и являлось. Там, я застал С. С. Сайдкасимова (в последствии Министр иностранных дел Узбекистана), В.М.Михайлова (весьма известного специалиста по межнациональным отношениям), Р.Г.Абдулатипова – нынешнего президента Дагестана. Все они имели ученые степени доктора наук и были, прежде всего, серьезными учеными в области межнациональной проблематики, которым пришлось пойти на государственную службу.

В 1990-е мы стали постепенно интегрироваться в европейский просветительно-образовательный процесс. И два срока по четыре года мне было поручено представлять единственное в то время российское просветительское НКО в Исполкоме Европейской ассоциации по образованию взрослых. С тех пор именно с этой проблематикой – изучением образования взрослых и непрерывным образованием – связаны мои научные интересы.

Да, и сейчас я остаюсь членом Правления Общества «Знание» России. Хотя, конечно, масштабы работы более скромные, чем раньше.

Согласен с Вами, моя жизнь в Америке показывает, насколько важна тематика образования взрослых и непрерывного образования. Когда, где и как началась Ваша собственно социологическая деятельность?

Спасибо за этот вопрос. Я действительно пытаюсь понять, как имея философскую степень, оказался в социологии. И сейчас, когда прошло уже некоторое достаточно продолжительное время моей деятельности на социологическом поле, можно искать ответ на этот вопрос. Я думаю, что «виновата» в этом философия. Она учит очень нужным и востребованным вещам – смыслу жизни, природе добра, красоте спекулятивных построений «чистого разума». Наконец, она действительно помогает понимать «звездное небо над головой» и самого себя. Именно понимать, в продолжающемся времени, поскольку окончательного ответа не существует.

А социологический подход открывает мир с совершенной иной стороны – со стороны реальной жизни во всех ее проявлениях. Это эмпирика, это анализ эмпирики, поиск закономерностей, их интерпретация. Вот, например, встречный вопрос – был ли А. Л. Чижевский, ученый-астрофизик социологом? Он, как известно, эмпирически обнаружил устойчивую корреляцию вспышек на Солнце и различных катаклизмов на Земле, в том числе биологических и социальных. На мой взгляд, это важный социологический результат.

Итак, возвращаясь к почти безграничным возможностям социологического анализа, я стал его активным сторонником. Посмотрите, где работают социологи – в любой сфере жизни: это политические технологии, маркетинг, различные мониторинги. Последние годы, в значительной степени благодаря

работам М. К. Горшкова и Ф. Э. Шереги, развивается прикладная социология. А с ее инструментами можно отправляться на изучение практически любого феномена нашей жизни.

Одно из таких прикладных исследований в очень необычной социальной среде у меня связано с молодежью группы риска и «трудными подростками». Это исследование мы проводили в 2006 году с И. Н. Трофимовой. Нас интересовало, как у этой категории детей и молодёжи происходит столкновение с законом, как они реагируют на временную изоляцию от общества и почему эта изоляция, фактически сохраняется после их выхода на свободу. Как при этом трансформируются их ценности – отношение к семье, друзьям, образу жизни. В рамках данного исследования мы применили необычную практику организации и проведения экспертного опроса, в результате чего интервьюерам удалось побывать в подростковых колониях, а еще опросить почти всех начальников детских и подростковых пенитенциарных заведений. Можете представить, насколько труднодоступны для социологов эти группы респондентов.

И еще скажу, что мне особенно нравится метод кейсов. Берешь какую-то интересную проблему, явление и начинаешь ее анализировать со всех сторон, в самых разных измерениях. Можно вписывать в контекст, а можно рассматривать, просто, саму по себе. На моих глазах в середине 2000-х защищалась выпускная магистерская работа по социологии в Ноттингемском университете – название привожу примерное, по памяти: «Байкало-амурская магистраль в социологическом измерении». Девочка-магистр была из Сибири и знала, о чем говорила – о расстояниях, о морозах, об отношении людей к центру. Первую главу диссертации она посвятила истории создания магистрали, так сказать, объективным данным. Во-второй – несколько десятков интервью с бамовскими железнодорожниками, строителями, комсомольцами 70-х, которые работали на строительстве и их детьми (прошло-то уже около 30 лет). И получился блестящий кейс – там не было Л. И. Брежнева, КПСС, китайских друзей-соседей, упоминаний о богатых месторождениях. Там был просто социологический анализ масштабного явления, построенный на опросах и биографиях людей. Вот за такие вещи я и полюбил социологию.

Когда эта любовь завязалась? Она сразу стала взаимной? Это Вы еще работали в «Знание» или уже в социологической институции?

В «Знании», как уже говорил, я занимался в основном философией и историей. Социологию, экономику и научный коммунизм вели другие референты. Но на практике, с социологией, конечно, приходилось соприкасаться, ведь мы обеспечивали работу научных мероприятий, где социология уже занимала важное место.

...и как дальше развивались события?

А дальше я перешел на работу к социологам в Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП). И тогда, в конце 1990-х и начале 2000-х, под руководством М. К. Горшкова, А. Ю. Чепуренко, Н. Е. Тихоновой, В. В. Петухова проводилось много интересных исследований, которые имели не только прикладной характер, но позволяли достаточно глубоко понять суть процессов, происходящих в стране. Это была и внешняя политика,

и гендер, и малое предпринимательство. Очень интересный социологический мониторинг коммерческих банков вел Е. Я. Виттенберг. Мудрейший М. П. Чедлов, также, привлекал меня к некоторым своим проектам. Это были «мои социологические университеты», которые сполна заменили формально отсутствующее на тот момент профессиональное социологическое образование.

Если говорить подробнее о моих исследованиях, то все они направлены на изучение феноменов непрерывного образования, процессов его институализации. Так или иначе, с этим связаны все конкретные проекты, которые были реализованы в различные годы. Взять к примеру, самообразование. Нам удалось показать, что потребность в самообразовании присуща далеко не всем людям (чуть более 20%), но эта часть респондентов добивается в жизни гораздо большего, чем остальные. Поэтому с точки зрения интересов государства и работодателя — самообразование очень ценный ресурс и надо создавать условия для того, чтобы он развивался.

Изучалась нами и роль образования в воспроизводстве социально-экономических неравенств. Оказалось, что существующая социальная структура задает определенный тип образовательных систем, которые её же и воспроизводят. Иначе говоря, есть объективная потребность в массовом образовании низкого качества, которое готовит людей к невысоким профессионально-статусным позициям. И точно также, есть объективная потребность в малодоступном, элитарном образовании высокого качества, выпускники которого занимают высокие статусные позиции. При всем этом изучение образовательных потребностей населения, которое является потребителем образовательных услуг, выявило массовую дезориентацию «простого обывателя» в том, чему стоит учиться и сколько за это следует платить. Люди предпочитают модные специальности, найти работу с которыми потом просто невозможно.

Особенно интересными стали исследования по взаимодействию науки и общества, а точнее производству и трансферу наукоемких технологий. Оказалось, что социальная и экономическая составляющие при этом явно недооцениваются. Мало постоянно повышать образовательный уровень тех, кто с этим имеет дело, изменять их менталитет в отношении коммерциализации научных результатов, но и еще уметь просчитывать выгоды и прибыль от инвестиций в науку и ученых. Все это очень непростые, комплексные вещи, которые выходят за рамки социологии. Вообще, экономическая социология образования и науки — это, на мой взгляд, очень новое и перспективное направление, которым хотелось бы заниматься дальше.

И, наконец, стоит сказать, что в некоторых работах удалось показать прямую связь учебы и образования (именно как формы деятельности, а не наличия соответствующего диплома или аттестата) с повседневным поведением человека, его отношением к миру, в котором он живет, гражданскому и политическому участию. Если кратко, то люди, которые постоянно учатся — не важно в какой форме, живут дольше, счастливее, приносят обществу максимальную пользу.

Я так понимаю, что анализу этой проблематики было посвящено Ваше докторское исследование. В каком году Вы защитили диссертацию?

Докторское исследование было давно, уже два десятилетия назад. Это была работа по «чистой» философии, по теории познания. Конкретнее, речь шла о том, как возникают и развиваются междисциплинарные понятийные конструкции. В чем-то, это философия языка, но с переложением на тогдашнее состояние пост-советской философии того времени. Одной из «изюминок» исследования был опыт деконструирования (по Ж. Дерриде, Д. Сёрлю) устоявшихся в науке понятий. Путем игры с понятиями можно получить новые смыслы, а под них уже находятся явления действительности. Это, конечно, принципиально противоречило материалистической философии. Но социологии там еще не было.

Да, я нашел в каталоге Российской национальной библиотеки библиографическую карточку на автореферат Вашей диссертации «Эволюция понятий в современном человековедении» (1994 г.). Мои первые вопросы, как Вы от анализа роли симметрии и асимметрии в построении научных теорий перешли к исследованию генезиса понятий в человековедении? Что Вас привлекло в этой проблематике?

Ну, во-первых, что такое «человековедение» никто толком не знает. Мы использовали этот термин для обозначения всей совокупности наук о человеке. Это позволяет уходить в любую дисциплину, так или иначе, связанную с человеком и анализировать ее понятийный аппарат. Другое дело, что вторгаться активно в социальные науки, которые в начале 1990-х еще сохраняли пост-советский синдром, я не стал. Подавляющее большинство научного сообщества, именно та его часть, которая заседала в диссертационных советах и, особенно, в Высшей аттестационной комиссии, придерживалось консервативных взглядов. И я не стал искушать судьбу, поэтому ограничился естественными науками.

А вот дальше, пошло собственно исследование генезиса понятий, потому что это очень интересно. Понятия живут своей жизнью, в том числе в науке, какие-то приживаются и входят в широкий оборот. Другие оказываются не к месту и о них забывают. И самое главное, понятия могут оказывать воздействие на действительность. Мы используем понятия, иногда просто играем ими и вдруг неожиданно находим им соответствие (объект, событие) в мире. Как сказал один мой коллега: «Война не тогда, когда начинаются боевые действия, а тогда, когда произносится слово война». Понятие всегда идет впереди события.

Я рассматриваю деконструирование по Дерриде как один из методов истории науки, не интересовались ли Вы, как он сам пришел к этой методологии? Что его повело в эту сторону? Может быть это лишь для европейцев оказалось необычным, а для северо-африканской культуры — традиционно...

Вы правы, деконструирование, конечно один из методов истории науки. Но я ограничился изучением этого метода применительно к генезису научных понятий, о котором уже шла речь.

Не могли бы Вы осветить, как в Европе, США поставлен процесс непрерывного самообразования и в какой мере он исследуется социологами?

Если можно, то я бы предпочел говорить о непрерывном образовании, одной из составляющих которого является и самообразование. В Европе и, прежде всего Центральной и Северной, этому уделяется огромное внимание — как на уровне политической риторики, так и в практической деятельности муници-

палитетов и корпораций. Прежде всего — это административная и финансовая поддержка тех общественных организаций, которые этим занимаются. Если говорить о внутрифирменном, корпоративном образовании — то оно автономно, независимо от государства и сам работодатель решает, чему и как долго обучать своего работника. Но при этом все прекрасно понимают, что учеба — это инвестиция, накопление человеческого капитала, который конвертируется затем в материальные активы. А пример государственной поддержки — пожалуйста, это законы Скандинавских стран о признании неформального самообразования наравне с образованием формальным. Ещё пример — датские Высшие народные школы (Folkeoplysning), в которых может учиться любой человек в любом возрасте. Это очень интересный и, во-многом, уникальный феномен.

В США ситуация несколько иная, в силу особенностей экономического уклада, да и самих масштабов экономики. Могу сказать только, что фордистский подход, когда работодатель предпочитает найти нового работника вместо того, чтобы переучивать прежнего, безнадежно устарел. И параллельно очень успешно развивается community education, о важности которого блестяще написали в своё время Джон Дьюи, Эдуард Линдеман, Карл Роджер. Оно напрямую не связано с экономикой, но очень важно для стабильного развития современного американского общества.

Какие важнейшие тренды Вы наблюдаете в системе самообразования в России?

Важнейший тренд, как и везде в мире, это сетевые и цифровые информационно-образовательные технологии. Это касается всех форм самообразования — профессионального, досугового, социально-политического. К числу новых для России образовательных трендов стоит отнести познавательные экскурсии и путешествия. Десятки миллионов россиян за последние годы съездили на отдых в Европу, Юго-Восточную Азию, Турцию, Египет и, конечно, это повод для неформального образования — увидеть как по-другому живут люди, строят отношения между собой. Для постсоветского человека это очень хорошая школа. Но в отличие от многих других стран, в России почему-то не складывается тренд политического самообразования и участия. Мы знаем много исследований, в которых показано, что гражданское участие и community education (которое я упоминал в ответе на предыдущий вопрос) учат людей не только повседневной жизни, но и позволяют более эффективно выстраивать отношения с властью, изменять в желаемом отношении свою социальную среду. Для нас, к сожалению, это остается чужим опытом.

Не могли бы Вы указать названия Ваших последних книг и что делаете в этом отношении сейчас?

Самая «свежая» книга, вышедшая в этом 2014 году, называется «Непрерывное образование — стимул человеческого развития и фактор социально-экономических неравенств». Она написана совместно с молодыми и талантливыми коллегами — Д. В. Диденко, Н. В. Латовой, Ю. В. Латовым. Мы стремились показать как связано непрерывное образование в различных его формах с производством, накоплением и конвертацией человеческого капитала, как оно влияет на социально-профессиональную структуру общества. Конечно,

это задача очень сложная и объемная, но, надеюсь, нам удалось продвинуться по этому пути. А сейчас работаю над книгой для издательства Routledge о роли непрерывного образования в социально-экономических преобразованиях российского общества. Предварительные результаты и сюжеты, которые будут в книге, уже дважды обсуждались в Ноттингемском университете для того, чтобы лучше понять восприятие данной проблематики западной аудиторией. В целом понимание было достигнуто и работа продолжается.

Григорий, не могу задавать Вам и вопрос о Вашей деятельности на посту Ученого секретаря ИС РАН. Как долго Вы работали в этой должности? Наверное опыт работы в «Знании», сохранившиеся с тех пор связи и навыки помогли Вам?

Это хороший вопрос, потому что работа ученого секретаря крупного и ведущего научного учреждения – это прекрасная школа менеджмента в науке. Раз пишешь в своих работах о непрерывном образовании, изволь показывать на практике, как это делается. В этой должности я проработал немного более двух лет, но это был исторический и очень непростой период перехода института из-под юрисдикции Российской академии наук под вновь созданное, по-сути, министерство науки – Федеральное агентство научных организаций (ФАНО). Через секретариат идет весь документооборот, отчетность, осуществляется управление подразделениями института. Работа очень нужная, важная и, даже скажу, интересная своей динамикой, контактами с людьми. Правда, на науку времени почти не оставляющая. А что касается «связей и навыков», полученных в своё время в обществе «Знание» – то да, они и сейчас имеют большое значение, как и всякий социальный капитал.

Теперь Вы руководите Центром социологии образования, науки и культуры института социологии РАН. Если я не ошибаюсь, у этого научного подразделения – долгая история; им руководили Владимир Николаевич Шубкин, потом – Давид Львович Константиновский. Какие планы намечаете Вы?

Да, этим летом я принял кафедру (в классическом понимании этого слова), которой руководили в разное время люди, имеющие перед социологической наукой исключительные заслуги. Именно здесь под их руководством проведены десятки серьезных исследований, многие из которых стали классикой, своеобразными социологическими стандартами. Ответственность такого назначения я, конечно, осознаю. Здесь очень опытный и креативный коллектив, который может решать самые сложные исследовательские задачи. Три отдела составляют основу Центра – социологии образования, науки и культуры. Как говорит мой коллега – это, по сути, «маленькое ЮНЕСКО». Отсюда и планы – продолжить начатое В.Н.Шубкиным и Д. Л. Константиновским, постараться используя методы социологии понять происходящее в данных областях социальной жизни, сделать прогнозы, что-то порекомендовать, а может быть и от чего-то предостеречь власти и тех, от кого зависит принятие решений.

В нашей переписке Вы отметили, что являетесь visiting professor Школы образования, Ноттингемского университета в Англии. Какие курсы Вы там ведете, Какова их продолжительность? Участвуете ли Вы в исследовательских проектах этого университета?

Кажется, мы уже отмечали в нашем интервью, что тематика непрерывного образования была очень популярна в Европе в 1990–2000-е годы. Связано это с формированием Европейского союза, который справедливо рассматривал образование и учебную деятельность в самом широком её понимании, как важный интегрирующий фактор. Риторика непрерывного образования присутствует во многих политических декларациях того времени. Тогда и завязались научные контакты с рядом европейских коллег. В Ноттингемском университете оказалась очень «продвинутой» Школа образования, которая совместно с Национальным институтом непрерывного образования Англии и Уэльса, расположенном в соседнем Лестере, провела, да и сейчас проводит весьма интересные исследования. В ряде этих проектов, таких как исследования по функциональной грамотности и ее связи с трудовой занятостью, по досуговому и социальному образованию — мне довелось участвовать. Результаты опубликованы в десятке совместных с коллегами статей. А курсы, которые я читаю, когда приезжаю в университет, связаны с проведением и обеспечением сравнительных (компаративных) исследований в области непрерывного образования, прежде всего, на примере, России и стран СНГ.

Завершая нашу беседу, задам Вам своего рода обобщающий вопрос. Вы занимались физико-философской проблемой симметрии, логико-социальной темой — эволюцией языка человековедения, теперь — социолого-образовательной, непрерывным образованием. В чем Вы усматриваете некое единство Вашей исследовательской траектории?

Да... Ваша оценка моей исследовательской траектории озадачила. Со стороны, как говорится, виднее... Некоторая неоднородность и асимметрия, действительно просматриваются... Наверное так Близнецы проявляются, их двойственность натуры. Наука — это ведь лишь одна из сторон жизни, а есть еще и много других — не менее увлекательных. Это путешествия, новые встречи, умение жить в ладу с другими и самим собой. И если рассуждать таким образом, то устойчивые флуктуации моих научных интересов и занятий, надеюсь, можно понять.

Я хотел бы завершить наше интервью, за которое Вам, Борис, отдельно и очень искренне благодарен, ироничными словами Иммануила Канта, которые он приводит в работе «Что такое просвещение»: *«Мне нет надобности мыслить, если я в состоянии платить, этим скучным делом займутся вместо меня другие».*

А интересно, верно ли обратное ?